

Емельяненко Владимир Дмитриевич

С. П. ХИТРОВО И ОБРАЗ НЕБЕСНОЙ СОФИИ В СИСТЕМЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В. С. СОЛОВЬЕВА

В статье изучена роль С. П. Хитрово в жизни В. С. Соловьева, исходя из факта целостности и универсальности его мировоззрения. Показано, что образ Софии Небесной проявляется у мыслителя на всех уровнях его мировоззрения – религиозном и мистическом, обыденном и философском. Сделан вывод, что С. П. Хитрово в наибольшей мере соответствовала представлениям В. С. Соловьева о земном воплощении Небесной Софии. Вместе с тем, реальная жизнь философа отражалась в его учении о Софии Небесной.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. II. С. 65-72. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

EVIDENCES OF LOST TIMES: MAN AND TOWN OF LOWER VOLGA REGION IN “PICTURES” OF SCIENTIFIC EXPEDITIONS OF IMPERIAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE SECOND HALF OF THE XVIIITH CENTURY

Dulina Nadezhda Vasil'evna, Doctor in Sociology, Professor
Naumov Igor' Nikolaevich, Ph. D. in History
Sharapov Dmitrii Yur'evich, Ph. D. in History
Volgograd State Technical University
iks@vstu.ru; kafedra.sksit@mail.ru

The article is devoted to the history of studying and development problems of the Lower Volga region town. The authors turn to the Russian scientists' works of Enlightenment epoch written as a result of the scientific expeditions of Imperial Academy of Sciences of the second half of the XVIIIth century. During researches in Lower Volga region academicians-encyclopaedists I. I. Lepekhin, P. S. Pallas, S. G. Gmelin and others described the ruins of Golden Horde ancient settlements, the structure of contemporary towns (Tsaritsyn and others), the peculiarities of their population's everyday household life. It is noted that these unique historical evidences allow not only better learning the history of the region study but also better understanding the modern town development problems.

Key words and phrases: modern town; scientific expeditions; Enlightenment epoch; researchers-encyclopaedists; Golden Horde ancient settlements; Lower Volga region town of the XVIIIth century.

УДК 140.8

Философские науки

В статье изучена роль С. П. Хитрово в жизни В. С. Соловьёва, исходя из факта целостности и универсальности его мировоззрения. Показано, что образ Софии Небесной проявляется у мыслителя на всех уровнях его мировоззрения – религиозном и мистическом, обыденном и философском. Сделан вывод, что С. П. Хитрово в наибольшей мере соответствовала представлениям В. С. Соловьёва о земном воплощении Небесной Софии. Вместе с тем, реальная жизнь философа отражалась в его учении о Софии Небесной.

Ключевые слова и фразы: мировоззрение; философское мировоззрение; теоретическое мировоззрение; философское мировоззрение В. С. Соловьёва; София.

Емельяненко Владимир Дмитриевич, к. филос. н., доцент

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
emelyanenko_@mail.ru

**С. П. ХИТРОВО И ОБРАЗ НЕБЕСНОЙ СОФИИ
В СИСТЕМЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В. С. СОЛОВЬЕВА[©]**

*Статья выполнена при поддержке РГНФ, Проект № 13-13-32001
«Брянский край в философском творчестве Ф. И. Тютчева, В. С. Соловьёва, В. В. Розанова».*

Хорошо известно, что любовь играла в жизни В. С. Соловьёва огромную роль. Счастье, по его мнению, заключается в вере в любовь [20, с. 642]. Однако трактовка этого основополагающего чувства в жизни В. С. Соловьёва у исследователей его творчества различна. Так, В. В. Кравченко фактически сводит любовь в жизни В. С. Соловьёва к его мистическим отношениям с Софией Небесной, считая основополагающими именно их. Она пишет о «небывалой любви» В. С. Соловьёва и «небесной девы» Софии. Эта любовь рассматривается как главная и завораживающая тайна жизни и творчества великого мыслителя [8, с. 4]. Т. Н. Бурдина, напротив, предположила, что именно земная любовь философа к С. П. Хитрово была настолько важной, что стала неким исходным пунктом, вокруг которого как бы «вращалась» практически вся философия мыслителя [2, с. 100]. Действительно, часто отмечается, что отношения с С. П. Хитрово занимали в жизни В. С. Соловьёва особенно большое место. Многие биографы и исследователи указывают на то, что она даже стала настоящей любовью всей его жизни [3, с. 247; 13, с. 644; 21, с. 7]. В этой связи необходимо исследовать, какое начало было в любви В. С. Соловьёва основополагающим – земное или небесное, реальное или мистическое, жизненное или философское? Какое чувство являлось для него более важным – к Софии Небесной или к тем реальным земным женщинам, которыми философ довольно часто увлекался? В «Альбоме признаний» Т. Л. Сухотиной (между 29.03.1888 и 10.06.1890) он пишет, что самое ценное качество мужчины – это постоянство, и признает, что любил серьезно только один раз (!), «а так – 27 раз» [20, с. 642]. Но кого же он «любил серьезно» – Софию Небесную или земную женщину? Почему, несмотря на то, что у В. С. Соловьёва было много увлечений, он вновь и вновь возвращался к Софии Хитрово? Как связано пронесенное через почти всю жизнь чувство философа к С. П. Хитрово с образом Софии Небесной в системе его мировоззрения?

Объяснить чувства рационально часто невозможно, но применительно к выдающемуся мыслителю, в жизни которого разум играл большую роль, можно попытаться это сделать. Подчеркнем, что рассматривать роль С. П. Хитрово в жизни В. С. Соловьёва необходимо не изолированно, на уровне фактов обыденной жизни, а в общем контексте его мировоззрения. Важно также исходить из единства мировоззрения человека, определяющего общую стратегию его бытия в мире. Такой подход весьма актуален и в связи с тем, что целостность и универсализм присущи духовному миру В. С. Соловьёва, на наш взгляд, в наибольшей степени. Указанные отличительные черты мировоззрения философа, ставшие важными качествами его личности, заметили многие современники В. С. Соловьёва [26, с. 250]. Согласно В. В. Розанову, философ вполне успешно соединял в себе первоклассного ученого и неутомимого мыслителя, мистика и поэта, комментатора и публициста [15, с. 191]. К идее взаимосвязи различных уровней мировоззрения философа подходит и А. Ф. Лосев. Он пишет, что в учении о Софии В. С. Соловьёв «более настроен художественно, чем научно-философски», испытывает влияние «сердечных волнений», помешавших ему строго логически обосновать [9, с. 229]. Согласно А. Ф. Лосеву, обладая огромной эрудицией, мыслитель активно использовал любую казавшуюся ему близкой идею, попадавшую «в поле его мировоззрения», не остерегаясь никаких авторитетов [Там же]. Т. Н. Бурдина справедливо отмечает комплексный, религиозно-художественный характер концепции Софии Небесной, имеющей как теологические основания, так и поэтические истоки в лирических произведениях «софийного» цикла [2, с. 94].

Универсализм позволял В. С. Соловьёву использовать практически любые идеи из самых различных областей знания, синтезировать основные подходы человеческого духа к объективному миру в своей концепции всеединства, проводя парадоксальное соединение художественного и научного, философского и религиозного подходов к бытию. Учение о всеединстве в качестве основополагающей идеи включает утверждение об идеальном состоянии Вселенной. В таком мире именно на духовной основе преодолены разобщенность бытия, отчужденность и враждебность различных элементов по отношению друг к другу. Кроме того, в системе мировоззрения В. С. Соловьёва преобладал принцип духовной активности личности. Теоретические представления философа весьма сильно определяли его обыденную жизнь. В силу направленности личности на идеально-теоретический мир заботы повседневности часто отбрасывались на «второй план». Философ был плохо приспособлен к реальной жизни. Вместе с тем, его жизнь была окрашена особыми красками под влиянием пребывания «в мире духа» – помимо занятий философией, теологией и поэзией он являлся визионером, участвовал в спиритических сеансах. Мыслитель постоянно искал проявления идеальной жизни в земной реальности.

Становление мировоззрения В. С. Соловьёва протекало своеобразно. В нем очень рано пробудился интерес к духовно-теоретической деятельности. Поскольку семья была благополучной, не было нужды заботиться о материальном существовании. В результате В. С. Соловьёв впоследствии мало внимания обращал на внешние обстоятельства, и это существенно повлияло на его жизнь. Вместе с тем, философ рос в типичной для второй половины XIX века патриархальной многодетной семье. Муж являлся главой, а жена была тихой и покорной. Естественно, что это повлияло на формирование у мыслителя присущих эпохе морально-психологических регуляторов и соответствующих культурных стереотипов. Например, известно его стремление именно к церковному браку, моральные угрызания от того, что для семейной жизни с С. П. Хитрово необходим ее развод с нелюбимым мужем (но при этом возникла проблема воспитания троих детей). Однако отношения родителей в браке не стали для него образцом. Видимо, мыслитель осознавал, что бытовые заботы и патриархальный брак просто не позволяют всецело посвятить жизнь философии. Рано сложившийся и преобладавший в его мировоззрении духовно-теоретический аспект осознанно или бессознательно определил формирование в качестве идеала спутницы жизни не просто понравившуюся женщину, а развитую личность, в общении с которой он мог бы проявить себя как мыслитель [4, с. 80]. Вместе с тем, на формирование ранних романтических увлечений повлияла первая мистическая встреча философа с Софией Небесной в девятилетнем возрасте, когда закладывались основы его отношения к миру.

До сих пор проблема трактовки Софии в творчестве В. С. Соловьёва обычно рассматривалась без учета универсализма его мировоззрения. Исследователи, как правило, сосредотачиваются на каких-то отдельных сторонах ее понимания. Особенно часто образ Софии рассматривается в философско-теологическом контексте [7; 11, 23, 24]. Хорошо известна мистическая трактовка Небесной Софии, осуществленная В. В. Кравченко [7; 8]. С. Н. Трубецкой обратил внимание на большое значение образа Софии Премудрости Божией в поэзии В. С. Соловьёва [23, с. 158]. Вместе с тем, А. Ф. Лосев проанализировал учение о Небесной Софии как в философском контексте, так и в качестве проходящего через художественное творчество В. С. Соловьёва ключевого поэтического символа [10]. В. Ф. Шаповалов считает, что идея Софии является не столько философским или научным, сколько поэтическим понятием, придавая философии В. С. Соловьёва эмоционально-чувственный и религиозно-художественный характер. По его мнению, философ стремился таким образом избежать односторонней рациональности своей философии [25, с. 352].

На наш взгляд, при рассмотрении Софии Небесной без учета всей системы мировоззрения мыслителя ее образ будет страдать некоторой односторонностью. При этом сильнее всего будет недооцениваться именно земное содержание этого образа, поскольку Небесная София отрывается от своего реального воплощения. Однако образ Софии универсален, он существует не только на философском или мистическом, религиозном или художественном, теоретическом или обыденно-практическом уровнях, но пронизывает все мировоззрение философа, преломляясь также и в разных сторонах его человеческого существования. Нельзя разрывать или противопоставлять различные трактовки Софии Небесной (философскую, религиозную, мистическую, поэтическую), поскольку они тесно взаимосвязаны в силу универсального и целостного характера мировоззрения

великого русского мыслителя. Как отмечал сам В. С. Соловьев, София «есть полнота или абсолютная всеобщность бытия, предшествующая всякому частичному существованию и превосходящая оное. Это универсальная субстанция, это абсолютное единство есть существенная Премудрость Божия» [19, с. 326]. На этом основании Г. И. Чулков сделал логичный и в целом правильный вывод, что гностическая и христианская идеи Софии находились *в основе* мировоззрения В. С. Соловьева [24, с. 127]. Примечательно, что в своей поэме «Три свидания» философ понимает Софию и как личность, в которую влюблен, и как вечную подругу, существующую в бесконечности. В этом отношении София выступает как метафизическая сила, объединяющая мир, символ и наглядный образ любви.

Как известно, еще до поездки в Египет мыслитель пытался приобщить к занятиям философией Екатерину Романову. Впоследствии он сделал ей предложение. Однако при этом в письме к девушке он не скрывал, что в его жизни семейные и личные проблемы всегда будут занимать лишь второстепенное место, и он принадлежит не себе, а делу, которому будет служить [18, с. 81]. Предлагая Елизавете Поливановой руку и сердце, философ по сути дела предупредил ее, что ведущим началом в его жизни всегда будет не семья, а занятия философией (которую хотел бы вместе с ней изучать!). Понятно, что ни Екатерина Романова, ни Елизавета Поливанова не захотели, чтобы на первом месте в их супружеской жизни была философия.

По мере формирования в середине 1870-х годов В. С. Соловьева как философа, становления его мировоззрения, разработки им учения о Софии понимание любви мыслителем становится все более «теоретическим». Вместе с тем, помимо земных ценностно-мировоззренческих оснований, важную роль сыграли новые мистические встречи с Софией Небесной [17, с. 119]. Они укрепили В. С. Соловьева в мистической, не объяснимой разумом надежде найти свой идеал небесной красоты на Земле. А. П. Козырев отмечает, что после этих встреч (в Британском музее и в Египте) философ переработал трактат по метафизике «София» в диалог с Небесной возлюбленной, изменяя и мистифицируя характер текста и функцию автора в нем [5, с. 188]. На наш взгляд, 1872-1877 гг. стали этапом формирования у мыслителя понимания любви как всеохватывающей метафизической силы, а не только земного чувства. В это же время происходит переход от юношеских влюбленностей к зрелой любви, что нашло выражение в его чувстве к С. П. Хитрово.

Согласно К. В. Мочульскому, С. П. Хитрово, по сути дела, разошлась с мужем, хотя и не была официально разведена [13, с. 643]. Гостивший в Красном Роге Брянского уезда французский литературный критик Вогюэ образно назвал ее «Туранской Эвой» [14, с. 123]. В. С. Соловьев искренне выразил своё глубоко положительное эмоциональное отношение к Софье Хитрово как «иконопочитание» [13, с. 647]. Показательно, что в конце концов он запретил публикацию своей переписки с С. П. Хитрово, и это косвенно свидетельствует о сильном чувстве к ней философа. Наиболее тесные отношения мыслителя с С. П. Хитрово продолжались около 10 лет: с 1877 по 1887 год. Однако и в дальнейшем какого-то явного разрыва (с превращением любви в ненависть, как это часто бывает) не произошло. Философ по-прежнему поддерживал с С. П. Хитрово достаточно тёплые отношения. Примечательно, что, когда в 1896 году (почти через два десятилетия после знакомства!) она лишилась мужа, В. С. Соловьев опять предложил ей руку и сердце. Правда, С. П. Хитрово не согласилась, сославшись на свой пожилой возраст. Тем не менее, в конце жизни мыслитель довольно часто встречался с Софьей Петровной и сохранил к ней тёплые чувства. Незадолго до своей смерти в 1900 году он был в имении С. П. Хитрово Пустынька в Петербургской губернии и даже завещал себя там похоронить. Однако после смерти В. С. Соловьева его сестры не разрешили осуществить это намерение.

В. С. Соловьев познакомился с вдовой А. К. Толстого графиней С. А. Толстой и ее племянницей С. П. Хитрово практически сразу после возвращения из Египта. В этом знакомстве была и определенная закономерность (он искал подобную женщину), и некоторая случайность (нашел именно С. П. Хитрово). С. П. Хитрово была образованной женщиной и не только разбиралась в его философских построениях, но и интересовалась поэзией, мистикой, как и сам мыслитель. Поэтому их межличностное общение вполне соответствовало теоретической направленности мировоззрения философа. Именно Софья Хитрово вдохновила мыслителя на ряд стихотворений, была первой слушательницей многих поэтических и философских произведений.

Весьма существенно, что В. С. Соловьев встретил С. П. Хитрово в период завершения своего личностно-мировоззренческого становления и как философа, и как поэта, и как мистика. Софья Хитрово в гораздо большей мере, чем Екатерина Романова или Елизавета Поливанова, соответствовала сформировавшемуся у философа в середине 1870-х гг. идеалу земной возлюбленной. При этом именно Софья Хитрово оказалась первой женщиной, чувство к которой у В. С. Соловьева сложилось под сильным и незабываемым впечатлением от недавних мистических встреч с Небесной Софией в Британском музее и в Египетской пустыне. Эти сверхъестественные встречи не только в целом обусловили содержание концепции мыслителя о Софии и вечной женственности. Они во многом определили направленность и характер земной любви, которую пытался обрести философ, повлияли на его общее отношение к реальному миру. Любовь В. С. Соловьева имела не только естественно-эмоциональные корни, но и глубокие мировоззренческие основания, носила своеобразный универсальный характер. Философский образ Софии, ее мистическое восприятие нашли выражение в реальности. Весьма примечательно, что в 1890 годы довольно длительные и серьезные отношения соединили В. С. Соловьева с Софьей Мартыновой. Софьей звали и имевшую на философа значительное личностное влияние графиню С. А. Толстую. Можно сказать, что философ искал божественную Софию на Земле, и этому несколько не противоречило то, что любил он вполне реальных женщин.

Вместе с тем, С. П. Хитрово понимала и принимала своеобразную личностную направленность В. С. Соловьева на деятельность в мире духовном. Она вполне гармонично соединяла ум с женским началом. При этом

неслучайно, что Софья Хитрово была старше философа на целых пять лет. Согласно Е. К. Ельцовой, «любил он женщин властных, привлекательных, подчинявших себе, притом сложных...» [3, с. 247]. И этот факт легко объясним. Можно сказать, что София Небесная как метафизический идеал безмерно «старше» В. С. Соловьева в интеллектуальном плане, она предельно авторитетна и безгранично мудра. Поскольку философ сознательно или бессознательно ищет единство небесного и земного, то и в реальном мире он стремится полюбить, прежде всего, развитую личность (в идеале – даже как интеллектуальный авторитет!), а не просто понравившуюся земную женщину. Конечно, в реальных социальных условиях последней четверти XIX века найти подобное гармоничное сочетание мудрости и женской красоты было маловероятно. Тем более примечательно, что, по общему мнению, С. П. Хитрово не слыла красавицей. В этой связи выбор В. С. Соловьева весьма показателен и хорошо свидетельствует о приоритете в его ценностно-мировоззренческой системе ума над внешними данными.

Драма мыслителя была в том, что С. П. Хитрово являлась единственной женщиной, по-настоящему его понимавшей. Однако, хотя направленность его личности и мировоззренческих убеждений не противоречили браку с С. П. Хитрово, он все-таки не связал с ней свою жизнь. К тому же Софья Хитрово так и не развелась с мужем. Возможно, она понимала, что философ весьма непрактичен, и реальный церковный брак с ним может превратиться в череду материальных испытаний. Как казалось философу, Софья Хитрово отказала ему вынужденно. Поэтому, хотя в конце 1880 – 1890-х гг. он и продолжал искать дальше свой идеал, но все же, видимо, надеялся, что Софья рано или поздно передумает (о чем говорит и его предложение после смерти ее мужа). На наш взгляд, устойчивость любовного чувства В. С. Соловьева определило и еще одно обстоятельство. На мировоззрение философа оказали большое влияние творческое наследие и жизненный путь покойного графа А. К. Толстого. Существует также много интересных параллелей в их жизни. Как известно, в молодости граф полюбил жену полковника С. А. Миллер (урожденную Бахметьеву) и, преодолев все препятствия, через 13 лет (!) все же на ней женился. Это был пример, который, видимо, подавал определенную надежду мистически настроенному и верящему во всяческие совпадения философу, поскольку С. П. Хитрово была племянницей той самой С. А. Миллер (теперь С. А. Толстой, вдовы графа А. К. Толстого), которой было посвящено знаменитое в то время стихотворение «Средь шумного бала». В. С. Соловьев вполне мог думать о том, что если его духовный кумир преодолел все препятствия на пути к счастью, то почему это не сможет сделать и он сам?

Взаимосвязь в мировоззрении В. С. Соловьева образов С. П. Хитрово и Небесной Софии наиболее ярко иллюстрируют медиумические, или «автоматические» записи. А. П. Козырев, исследующий раннее медиумическое письмо в рукописи мыслителя «София» (1875-1876), отмечает, что в записях имеется довольно много признаний Софии в любви к своему поклоннику [6]. Мистическая собеседница философа подчеркивает его особую избранность, желает соединиться с ним, просит не расставаться с ней никогда и даже дает советы (рассуждать о началах бытия, вернуться в Россию), наконец, обещает помогать в деле «просвещения светом духовным». Вместе с тем, в медиумических записях мало философского материала, он в основном отражает взаимоотношения Софии и мыслителя [Там же]. Очевидно, что записи относятся ко времени *до встречи* В. С. Соловьева с С. П. Хитрово. Тем не менее, казалось бы, налицо общение В. С. Соловьева с некой земной собеседницей. Однако с кем он общается? На наш взгляд, никакого противоречия здесь нет. Дело в том, что отношения в тексте хотя и выглядят, как личные, но не являются персонализированными со стороны Софии, в них нет рефлексии ее самой! Напротив, в медиумических записях, расшифрованных Г. И. Чулковым, подобная рефлексия уже присутствует. Поскольку В. С. Соловьев был настроен на поиск идеала Софии на земле, он уже осознанно или бессознательно ждал встречи с этим идеалом, что и нашло выражение в придании определенных персональных черт мистической собеседнице.

В более поздних «автоматических записях» В. С. Соловьева, расшифрованных Г. И. Чулковым, мы находим: «Ну же мой милый теперь я свободна, все уехали, и я себе принадлежу, а Рюрик у меня болел» (!) [24, с. 125]. По-видимому, в данном случае в образе Софии упоминается именно С. П. Хитрово, ведь мы обнаруживаем имя ее сына – Рюрика. София сообщает в этой связи философу, что она «очень встала рано...» (!) и послала (далее в тексте неразборчиво, но очень вероятно, что за врачом (!)) [Там же, с. 127]. Много автоматических записей свидетельствует о том, что медиумической собеседницей В. С. Соловьева является реальная женщина, которой при этом он явно небезразличен. Она сообщает, что будет рада получить от него весть, не может без него жить. Мистическая собеседница признается ему в любви, обещает, что они будут жить вместе «с января 1889 года» (!). В другой записи она говорит философу о том, что будет жить с ним вместе, когда навсегда «оставит Румынию» [Там же, с. 128]. Медиумическая собеседница беспокоится о здоровье В. С. Соловьева (!), отмечая, что «милый мой, наконец, здоров, не кашляет». София сообщает В. С. Соловьеву, чтобы он пришел через час, когда она будет одна (!), или же говорит о том, что он еще 3 часа должен ждать ее... Она даже укоряет философа, что он «так долго был в Москве» (!), и сообщает, что ждет его в 2 часа (!) [Там же, с. 129]. Все эти медиумические сообщения отражают обычные земные проблемы. Данные отрывки показывают, что с философом разговаривает вполне земная, а не небесная София. Г. И. Чулков по этому поводу замечает, что загадочная собеседница в медиумическом представлении В. С. Соловьева являлась как некое конкретное существо. Если же говорить более определенно, то в «автоматических записях» проявились окрашенные мистическими переживаниями реальные взаимоотношения мужчины и женщины.

В относительно поздних медиумических записях В. С. Соловьева ясно заметно, что его «корреспондентом» выступает Софья Хитрово. Это свидетельствует о переплетении в ценностно-мировоззренческой сфере философа естественного и сверхъестественного миров и о невозможности разграничить образы Небесной Софии и земной женщины. Однако это и неудивительно, если исходить из целостности мировоззрения

В. С. Соловьева. Можно предположить, что любовь к С. П. Хитрову была органически включена в мировоззрение В. С. Соловьева, а идея Софии, пронизывающая его мировоззрение, приобрела в результате более персонализированный характер. Оказалась заполнена некая духовная пустота, ценностно-мировоззренческая сфера философа приобрела большую последовательность и завершенность. Требовали поиска земного идеала сама логика предшествующего духовного развития, уже сформировавшийся универсализм его мировоззрения! В силу этого и общение с мистической Софией приобрело еще более личный, к тому же рефлексивный характер. Даже мистически настроенные исследователи творчества В. С. Соловьева, полагающие, что Небесная София при «автоматическом письме» двигала рукою философа, признают субъективную окрашенность его представлений о сверхъестественной реальности [7, с. 117].

Сейчас можно лишь предполагать, каково было личное отношение С. П. Хитрово к Софии Небесной. С одной стороны, она, видимо, прекрасно понимала, что В. С. Соловьев – великий мыслитель, и вряд ли стоит как-то мешать его философско-теологическим изысканиям. Хорошо известно, что философ знакомил С. П. Хитрово со своей теорией Софии Небесной, читал ей поэму «Три свидания». Скорее всего, если бы имела место какая-то принципиальная критика построенный мыслителя со стороны Софьи Петровны, то это могло закончиться охлаждением отношений. Однако об этом ничего не известно. К тому же, судя по всему, она была достаточно мудрой женщиной и вряд ли ревновала мыслителя к Небесной Софии. Более того, на наш взгляд, С. П. Хитрово даже могла явно или неявно поддержать знаменитого почитателя в своих теоретических и мистических изысканиях, посвященных Вечной Женственности и Небесной возлюбленной. С другой стороны, здравый смысл не позволил ей признать себя и в качестве воплощения Софии Небесной. Примечательно, что впоследствии это попыталась сделать Анна Шмидт, по-видимому, каким-то образом осведомленная об особенностях личности В. С. Соловьева. Однако она совершенно не соответствовала идеалу философа.

Исследователи не обходят стороной проблему понимания Софии в мировоззрении В. С. Соловьева на религиозно-мистическом уровне. Так, А. П. Козырев пишет, что «призрак высшего избранника, принужденного любить богиню, чуть ли не высшего жреца рода человеческого, который не должен иметь семьи, основателя «вечного завета» является нам порой со страниц «Софии», напоминая призрак сверхчеловека (но отнюдь не Богочеловека), с которым Соловьев сражался в последние годы своей жизни» [6]. Т. Н. Бурдина также пишет о личной «мистической любви» философа к образу Вечной Женственности, Софии [16, с. 616]. Однако, признавая важную роль Софии как идеального, сверхъестественного феномена, находящего отражение в духовном бытии мыслителя, эти исследователи не преувеличивают роль религиозно-мистического уровня мировоззрения В. С. Соловьева.

Вместе с тем, встречаются попытки свести понимание Небесной Софии, прежде всего, к мистической реальности. В. В. Кравченко в работе «Владимир Соловьев и София» [8] исходит из ведущей роли в его жизни мистической, сверхъестественной любви. Небесная любовь фактически отрывается от всех остальных уровней мировоззрения В. С. Соловьева и выражения его земных романтических чувств. Проблема сводится только к мистической любви В. С. Соловьева и Небесной Софии. Однако любовь проявлялась во всех аспектах бытия мыслителя – и в философии, и в поэзии, и в мистике, и в личной жизни. Согласно В. В. Кравченко, В. С. Соловьев создал «личный миф», творчески реализовав свою искреннюю веру. Однако достаточно очевидно, что никакой «личный миф» просто не может существовать в изоляции от *всей системы* мировоззрения человека, не может резко из нее выделяться. Если же этот миф существовал, то должен был пронизывать все мировоззрение философа. Однако трудно представить себе человека, живущего в реальных условиях второй половины XIX века с мифологическим мировоззрением.

В. В. Кравченко считает, что в этом мифе богиня снизошла (!) к смертному, осветив его путь постижения Любви человека и Бога. Служение этой Любви рассматривается и как религиозный идеал, и как философская истина. София – это запредельная форма божественной любви. Влюбленный философ-мистик должен был постичь и отринуть ряд «масок» Софии, и этот процесс завершился «новым видением христианской Богоматери» [Там же, с. 4]. Оставляя в стороне вопрос об аргументации данной концепции, отметим недооценку в ней реальной жизни мыслителя. По крайней мере, среди «масок» Софии вообще отсутствует ее земное воплощение (но имеются такие «маски», как «языческая богиня», «дева гностическая», «спиритическая», «алхимическая»!). Вызывает некоторое недоумение и точка зрения В. В. Кравченко, что последняя земная любовь философа «к финскому озеру Сайма» остается неразрешимой загадкой [Там же]. На наш взгляд, подобное неоправданно широкое понимание любви может ее просто дискредитировать. Не надо путать действительно неординарное эмоционально положительное отношение В. С. Соловьева к озеру (!) Сайма с его земной любовью к Софье Хитрово, не говоря уже о высоком идеальном чувстве к Софии Небесной.

Положение об универсальности и системности мировоззрения философа позволяет более адекватно оценить и многие другие идеи исследователей творчества В. С. Соловьева о Софии. Так, согласно Т. Н. Бурдиной, видение Софии стало методологическим обоснованием философии всеединства [2, с. 93]. Однако для развития учения о Софии только мистической аргументации явно недостаточно. Теоретические и методологические истоки учения о Софии Небесной содержится в трудах Плотина и других философов, в христианском учении. Поскольку у В. С. Соловьева принцип всеединства проходит красной нитью через все его творчество, то и София как одно из выражений этого всеединства проявляется в разных слоях индивидуального и мирового бытия.

По мнению Т. Н. Бурдиной, С. П. Хитрово находится в основе философской трактовки проблемы Софии, причем именно как земная женщина. Она полагает, что для динамического понимания мира мыслителю была нужна некая точка отсчета, чтобы воплотить «замыслы смелые» и развить философское учение [Там же, с. 100]. Поэтому С. П. Хитрово и является тем «неподвижным Солнцем любви», от которого неутомимый и ищущий

приключения философ уходит и к которому всегда возвращается [Там же]. Однако, думается, что неправильно принимать реальную земную женщину за точку отсчета в динамическом понимании мира в целом (!). Во-первых, это противоречит универсализму и системности мировоззрения философа. Не следует смешивать в нем метафизический и земной уровни. Во-вторых, ценностно-мировоззренческие установки В. С. Соловьева практически полностью сформировались до встречи с С. П. Хитрово, и поэтому она не могла настолько радикально изменить мировоззрение мыслителя, чтобы превратиться в центральный его элемент. В-третьих, точка отсчета в мировоззрении философа находится в мире идеальном, ведь направленность его личности духовно-теоретическая. В философском мировоззрении В. С. Соловьева она может иметь лишь метафизическую природу. Поэтому «неподвижное солнце любви» существует для мыслителя именно в мировом, а не в личностном масштабе. И этой точкой отсчета является София Небесная, а не Софья Хитрово, которая, действительно, является любовью всей его жизни. Но она лишь в наибольшей степени соответствует и философскому, и мистическому пониманию В. С. Соловьевым Небесной Софии, той всеохватывающей метафизической любви, которая правит миром. С. П. Хитрово – это яркое выражение стремления мыслителя найти земной идеал небесной красоты (отождествляемой с мудростью, а не привлекательностью). Она лишь в наибольшей мере соответствовала небесному идеалу. Вместе с тем, С. П. Хитрово не была его единственной любовью, поскольку он признавал в своей жизни много увлечений. Говоря о Софье Петровне, С. М. Соловьев тактично заметил, что это «...знакомая нам тема. В душе любимой женщины Соловьев видит всё ту же богиню, —душу мира», отделившую себя от божественного света...» [21, с. 190].

Факт целостности и универсализма мировоззрения В. С. Соловьева позволяет по-иному взглянуть и на некоторые другие не совсем точные оценки интересующих нас сторон его творчества, данные исследователями. Любовь пронизывала мировоззрение В. С. Соловьева на всех его уровнях, была одним из главных и основополагающих принципов всей его деятельности. Однако иногда это воспринимается лишь как «беспокойная влюбчивость» философа [24, с. 124]. К. Е. Ельцова отмечает, что любовь захватывала всю душу мыслителя [3, с. 247]. По мнению Г. И. Чулкова, философ увлекался именно теми земными возлюбленными, «в которых ему мерещились воплощения вечно женственной красоты» [24, с. 128]. Однако слово «мерещились» весьма образно и неточно, причем оно было бы применимо к обычному человеку. Для него они бы действительно «мерещились», но для универсально относящегося к миру В. С. Соловьева эти воплощения были вполне непосредственной реальностью. В рамках своего мировоззрения В. С. Соловьев действовал весьма последовательно и логично: он искал идеал! Однако за увлечениями следовали разочарования. Философ верил, что, наконец, нашел Софию, однако убеждался, что это опять Матрена [1, с. 154-155; 24, с. 129].

Г. И. Чулков отметил, что на знавших его людей В. С. Соловьев всегда производил впечатление человека «необычайного», предназначенного как бы к «двойному бытию». Он всегда словно бы прислушивался к голосам «инога мира» [24, с. 125]. На наш взгляд, ничего странного в этом нет. В силу универсализма своего мировоззрения мыслитель был предназначен, скорее, к многомерному бытию. Поэтому разные реальности в его духовном мире тесно переплетались, влияли друг на друга. Небесная София определяла поиск земной Софии, земная личноно окрашивала мистические переживания. Естественно, что значение разных уровней бытия в его мировоззрении при этом не нужно преувеличивать. Г. И. Чулков также полагает, что для В. С. Соловьева была присуща какая-то аберрация психологии [Там же, с. 128]. А С. К. Маковский даже сделал вывод о раздвоении личности В. С. Соловьева [11, с. 553]. Однако это вовсе не аберрация или раздвоение, а проявление особого, целостного подхода к миру. Можно констатировать тесную связь всех уровней бытия в мировоззрении философа: мистика и реальность настолько тесно в нем соседствовали, эти миры так сильно влияли друг на друга, что поступки В. С. Соловьева со стороны могли показаться странными. Однако эти странности вытекали из последовательно проведенного принципа универсализма в его мировоззрении. Все элементы мира в его всеединстве были для философа реальностью одновременно, и в этом контексте для него совсем не было странным искать воплощение небесного идеала на Земле.

Универсализм и системность, заложенные в мировоззрении В. С. Соловьева в молодости, часто проявлялись в дальнейшем в его жизни и деятельности. С точки зрения системности и универсализма мировоззрения В. С. Соловьева, его философские построения – это и рациональные схемы, и символические выражения его мистического опыта, и квинтэссенция поэтического творчества, и отражение реальной жизни. Естественно, имела и обратная связь. Например, его реальная личная жизнь была чрезмерно идеализирована и ярко окрашена всевозможными мистическими красками. Вместе с тем, и личный мистический опыт философа также не являлся «чистым», поскольку он фактически во многом формировался под влиянием событий его реальной жизни [4, с. 82]. Поэтому и мистические видения В. С. Соловьева, и его теософские изыскания, и его философское учение требовали своей реализации не только в творчестве, но и в реальном мире, в личной жизни.

Поскольку выражением стремления к философскому идеалу у В. С. Соловьева является принцип всеединства, то и идея Софии в своеобразном преломлении должна находить свое выражение во всех мирах, в которых он пребывал как человек и реализовал себя как философ. Иными словами, София тоже должна быть всеединой, не только Небесной, но и земной, присутствуя и в духовном мире, и в реальной жизни мыслителя. Именно поэтому София являлась ему не только в мистических видениях: ее образ находил выражение в поэзии, в обосновании философской концепции, в поиске земного воплощения небесного совершенного образа вечной женственности и любви. Говоря только об одной настоящей любви в жизни, В. С. Соловьев фактически согласился, что и идеал у него тоже единственный. Поскольку даже Софья Хитрово не отвечала этому идеалу полностью, он продолжал его постоянно искать. Правда, такие умные, образованные и одновременно

понимающие женщины в его жизни больше не встречались. В реальной жизни искать небесный идеал мог только очень целостный в мировоззренческом отношении человек, причем эта целостность должна была существовать именно на основе духовно-теоретической активности личности. Переплетение земного и небесного миров в жизни и творчестве мыслителя особенно хорошо заметно в так называемом «автоматическом письме», где часто невозможно разделить образы Небесной Софии и реальной земной женщины.

Факты говорят, что земная любовь в жизни философа имела несколько не меньшее значение, чем небесная. Но при этом она приобрела особый характер под влиянием «небесной» любви. В своих земных романтических чувствах философ пытался найти воплощение Софии Небесной. Следует отметить, что он полюбил Софью Хитрово в значительной мере под влиянием своего мистического опыта и учения о Софии Небесной [Там же, с. 83]. Благодаря рано сформировавшемуся философскому мировоззрению, В. С. Соловьёв привязался к С. П. Хитрово – не только умной, но и имеющей сильный характер женщине. Вместе с тем, и опыт земной жизни В. С. Соловьёва также явно или неявно определил способы осмысления им мира сверхъестественных явлений, формы выражения некоторых важных философских идей. Так, очевидно, что теория «Божественной Софии» приобрела несколько более «земную» форму под влиянием его любви к Софии Хитрово.

В силу целостности мировоззрения В. С. Соловьёв весьма последовательно проводил теоретические идеи и принципы и в своей деятельности. Вместе с тем, подобный синтетический подход позволял мыслителю легко применять свои философские принципы или мистические озарения к самому различному материалу. Поэтому наиболее важные его идеи в специфическом преломлении проходили через все остальное творчество. Именно универсализм как особенность его мировоззрения определил как единство его творческого подхода к рассматриваемым проблемам в поэтических, философских и литературно-критических произведениях, так и реальную личную жизнь В. С. Соловьёва, обусловив ее тесную связь с теоретическими представлениями мыслителя об идеальном, мистическом, сверхъестественном мире.

Особая роль С. П. Хитрово в жизни В. С. Соловьёва во многом неслучайна и обусловлена целостностью его мировоззрения, универсальностью его подходов к бытию. В силу этого учение о Софии Небесной проявляется у В. С. Соловьёва на всех уровнях его мировоззрения – в религиозном и мистическом понимании бытия, в философском осмыслении действительности, в поэтическом творчестве и обыденной жизни. Направленность мировоззрения В. С. Соловьёва на духовно-теоретическую активность привела к тому, что его понимание Софии Небесной во многом определило устремления философа в реальной жизни. С. П. Хитрово в наибольшей мере соответствовала представлениям мыслителя о земном воплощении Небесной Софии. Вместе с тем, реальная жизнь философа, в том числе общение с Софьей Хитрово, также отражалась в его теоретических построениях о Софии Небесной.

Список литературы

1. **Акростиhi В. С. Соловьёва.** Цикл второй: Матрена // Соловьёв В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 154-155.
2. **Бурдина Т. Н.** Образ Софии в эстетических концепциях Владимира Соловьёва и Иннокентия Анненского // Соловьёвские исследования. Иваново. 2012. Вып. 3 (35). С. 92-110.
3. **Ельцова К. Е.** Сны нездешние (к 25-летию кончины В. С. Соловьёва) // Современные записки: общественно-политический и литературный журнал. Париж. 1926. Т. XXVIII. С. 225-275.
4. **Емельяненко В. Д.** Мировоззрение, творчество философа и повседневность (на примере отношений В. С. Соловьёва с С. П. Хитрово и С. А. Толстой, его пребывания в Красном Поге) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23). Ч. 1. С. 79-84.
5. **Козырев А. П.** Космогонический миф Владимира Соловьёва (К вопросу о рецепции гностицизма в трактате «София») // Соловьёвский сборник: материалы международной конференции «В. С. Соловьёв и его философское наследие» (Москва, 28-30 августа 2000 г.). М.: Изд-во «Феноменология-Герменевтика», 2001. С. 183-196.
6. **Козырев А. П.** Парадоксы незавершенного трактата. К публикации перевода французской рукописи Владимира Соловьёва «София» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/soloviev/kozyrev.html> (дата обращения: 10.09.2013).
7. **Кравченко В. В.** Вестники русского мистицизма. М.: Издатцентр, 1997. 300 с.
8. **Кравченко В. В.** Владимир Соловьёв и София. М.: Аграф, 2006. 384 с.
9. **Лосев А. Ф.** Владимир Соловьёв и его время. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
10. **Лосев А. Ф.** Философско-поэтический символ Софии у Вл. Соловьёва // Лосев А. Ф. Страсть к диалектике: Литературные размышления философа. М.: Советский писатель, 1999. С. 203-255.
11. **Маковский С. К.** Последние годы Владимира Соловьёва // Соловьёв В. С.: pro et contra / сост., вступ. ст. и прим. В. Ф. Бойкова. СПб.: РХГИ, 2000. Т. 1. С. 528-555.
12. **Максимов М. В.** Учение Вл. Соловьёва о Софии: онтологический и гносеологический аспекты // Ученые записки Ивановской государственной архитектурно-строительной академии. Иваново. 1997. Вып. 6. С. 58-62.
13. **Мочульский К. В.** Владимир Соловьёв: жизнь и учение // Соловьёв В. С.: pro et contra / сост., вступ. ст. и прим. В. Ф. Бойкова. СПб.: РХГИ, 2000. Т. 1. С. 556-829.
14. **Никифораки А.** Иностранец о русском // Русское обозрение. 1901. № 1. С. 117-123.
15. **Розанов В. В.** Памяти Вл. Соловьёва // Вл. Соловьёв: pro et contra / сост., вступ. ст. и прим. В. Ф. Бойкова. СПб., 2000. Т. 1. С. 187-201.
16. **Соловьёв В. С.** Жизненная драма Платона // Соловьёв В. С. Сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 824 с.
17. **Соловьёв В. С.** Неподвижно лишь солнце любви...: стихотворения, проза, письма, воспоминания современников. М.: Московский рабочий, 1990. 445 с.
18. **Соловьёв В. С.** Письма В. С. Соловьёва: в 4-х т. СПб., 1908-1923. Т. III. 349 с.
19. **Соловьёв В. С.** Россия и Вселенская Церковь. М.: Путь, 1911. 451 с.

20. Соловьев В. С. *Философия искусства и литературная критика*. М.: Искусство, 1991. 701 с.
21. Соловьев С. М. *Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва*. Брюссель, 1977. 434 с.
22. Трубецкой Е. Н. *Миросозерцание* Вл. С. Соловьёва. М., 1995. Т. 1. С. 337-353.
23. Трубецкой С. Н. *О святой Софии, Премудрости Божией* / подг. текста, публ. и примеч. И. В. Басина // *Вопросы философии*. 1995. № 9. С. 120-168.
24. Чулков Г. И. *Автоматические записи* Вл. Соловьёва / предисл. и публ. М. В. Михайловой // *Вопросы философии*. 1992. № 8. С. 121-132.
25. Шаповалов В. Ф. *Основы философии. От классики до современности*. 2-е изд-е, доп. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 608 с.
26. Шмидт Е. В. *Владимир Соловьев – «философствующий поэт» или «поэтизирующий философ»?* // *Соловьёвские исследования*. Иваново. 2008. Вып. 18. С. 238-251.

S. P. KHITROVO AND IMAGE OF DIVINE SOPHIA IN SYSTEM OF V. S. SOLOV'EV'S WORLDVIEW

Emel'yanenko Vladimir Dmitrievich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky
emelyanenko_@mail.ru

The article studies S. P. Khitrovo's role in V. S. Solov'ev's life basing on the fact about the integrity and universality of his worldview. It is shown that the image of Divine Sophia is manifested at all levels of the thinker's worldview – religious and mystical, everyday and philosophical ones. It is concluded that S. P. Khitrovo corresponded to the greatest extent to V. S. Solov'ev's ideas about the earthly incarnation of Divine Sophia. However, the real life of the philosopher was represented in his doctrine about Divine Sophia.

Key words and phrases: worldview; philosophical worldview; theoretical worldview; Solov'ev's philosophical worldview; Sophia.

УДК 316.472.4

Социологические науки

В статье анализируются основные подходы и логика научного исследования идентичности в социальных сетях. Показана роль теории И. Гофмана как методологического основания исследования идентичности. Раскрывается роль профиля как ключевого элемента анализа сетевой идентичности. Показана логика основного подхода исследования идентичности как совокупности классификации и стандартизации. Делается вывод о роли методов, которые, в противовес теории, являются ключевым фактором исследования идентичности в социальных сетях.

Ключевые слова и фразы: идентичность; И. Гофман; социальная сеть; *Facebook*; киберэтнография.

Ефимов Евгений Геннадиевич, к.и.н.

Волгоградский государственный технический университет
ez07@mail.ru

ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СЕТЯХ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)[©]

Анализируя эволюцию различных ресурсов Интернета, мы можем утверждать, что на сегодняшний день главный его сегмент составляют социальные сети, появление которых не только изменило повседневные практики миллионов людей, но и заставило пересмотреть многие теоретические положения, выдвигавшиеся ранее. Одним из таких вопросов стала проблема формирования идентичности.

На ранних этапах развития Интернета в ходе его изучения в гуманитарных науках сложился взгляд на него как на среду, способствующую созданию искусственных идентичностей. Однако эволюция повседневных практик пользователей в Интернете и появление сетей меняют это представление. В отчете британских исследователей, посвященном трансформации идентичности [11], отмечается, что этому способствует значительный переход многих повседневных практик в интернет-пространство, в том числе затрагивающих ключевые сферы жизни человека (к примеру, экономическую – в виде совершения покупок и оплаты счетов). Это, в свою очередь, заставляет быть более внимательными к поведению он-лайн, в том числе в социальных сетях, а также усиливает внимание к построению идентичности в этих сетях. Немаловажное значение имеет доступность социальных сетей для человека вследствие распространения мобильных устройств и беспроводного Интернета.

Недостаточная степень исследований идентичности в социальных сетях в отечественной науке делает необходимым обращение к зарубежному опыту, анализу его достоинств и недостатков с целью выработки рекомендаций для дальнейших исследований.

Целью нашей статьи является описание теоретического поля исследования идентичностей в социальных сетях.